

«Секстина» Элизабет Бишоп

Сентябрьский дождь стучит в окошки дома.
Смеркается. Сидят на кухне двое
У плитки – бабушка с ребенком.
Она смеётся и болтает, зачитывая ежегодник вслух,
Чтобы не давать воли слезам.

Ей кажется, о равноденственных слезах
И о дожде, что бьет по крыше дома,
Лишь ей одной известный ежегодник
Давным-давно предупреждал.
Железный чайничек поёт на чёрной плитке.
Она же режет хлеб и говорит дитя:

«Пить чай пора»; однако же ребёнок,
Заворожённый весь, глядит на чайник –
Тот плачет маленькими жёсткими слезами.
Безумен танец их на чёрной печке.
Должно быть, так танцует дождь на крыше.
А бабушка, затеяв вдруг уборку, на место ставит странный ежегодник.

И распахнувшись, он парит, подобно птице,
Над детской головой. Над головой седой.
Он висит и над бабушкиной чашкой,
В которой видно лужу бурых слёз.
«Прохладно в доме стало» – произносит
Хозяйка чашки, в печь подбросив дров.

«Так и должно быть» – говорит плита.
«Я знаю то, что знаю» – ей ежегодник вторит.
Дитя выводит яркими мелками
Петляющую тропку к дому. Дом крепкий, дом высокий.
Дитя рисует в доме человека. И отчего-то
все пуговицы на его одежде – в форме слёз.
Дитя, гордясь с собой, с улыбкою идёт рисунок показать.

А в то время, пока хлопчет бабушка у плитки,
Из ежегодника на ложе из цветов,
Детской рукой поставленное рядом с домом,
Сыплются крошечные луны, словно слёзы.

«Настало время для посадки слёз» – так ежегодник говорит.
А бабушка поёт, крутясь вокруг плиты.
А новый дом из грёз рисует детский ум.